

Юрий АНШАКОВ*

РУССКО-ЧЕРНОГОРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ, СОВЕТСКИХ, СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ И РОССИЙСКО-ЧЕРНОГОРСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ ДОКУМЕНТОВ

История взаимоотношений России и Черногории издавна привлекала внимание исследований. В свою очередь, это вызывало к жизни не только публикацию монографий, но и публикации документов. В дореволюционной России документальные материалы по истории русско-черногорских отношений публиковали в исторических сборниках и различных журналах («Сборник Русского исторического общества», «Русский архив», «Русская старина», «Русский вестник» и др.)¹.

Как правило, при этом брался какой-либо эпизод из истории русско-черногорских отношений и делалась соответствующая подборка документов. Причём они публиковались как отдельно, так и в виде вставок в текст и документальных приложений к каким-либо исследованиям. Заметим, что публикация документов по истории Черногории и русско-черногорских связей оживляла интерес у российского читателя не толь-

* Юрий Аншаков, доктор исторических наук, директор Поволжского филиала Института российской истории Российской академии наук, г. Самара

¹ См. например: Сборник исторического общества. СПб., 1892–1893. – Т. 82, 88; Александров Г. Н. Исторические сведения о сношениях России с Черногорией // Русский архив. – 1876. – №7; Морозов П. О. Черногорские переселенцы в России // Исторические материалы из Архива государственных имуществ. – СПб., 1891. – Вып. 1; Рачинский А. В. К биографии графа А. Г. Орлова-Чесменского. Письма его и о нем во время Морейской экспедиции, извлеченные из бумаг вице-канцлера князя Голицына // Русский архив. – 1876. – №7; Оснадцатый век. Исторический сборник. – М., 1869. – Кн. 3; Самозванец Петр III в Далмации в 1768 г. // Русская старина. – 1883. – № 9 и др.

ко к истории Черногории, этому «малому гнезду свободы сербской», но и к истории других югославянских народов.

Большая заслуга в деле исследования исторического прошлого Черногории и русско-черногорских отношений в этот период принадлежит выдающимся историкам-славистам Павлу Апполоновичу Ровинскому, автору трехтомного фундаментального труда «Черногория в её прошлом и настоящем» и Викентию Васильевичу Макушеву², а также обучавшимся в России черногорцам Живко и Марко Драговичам, которые опубликовали документы русских архивов по истории русско-черногорских связей в правление Елизаветы Петровны, Екатерины II и Павла I. Они публиковались как в России, так и Сербии³.

Важным источником по истории Черногории являются дневники и путевые заметки иностранцев, в том числе и русских, посещавших Черногорию. И здесь дореволюционная историография внесла весомый вклад, опубликовав путевые записки, охватывающие большой хронологический период – начиная с экспедиции князя Ю. В. Долгорукова в Черногорию в 1769 году с целью отстранения от власти выдавшего себя за императора Петра III самозванца Степана Малого вплоть до путевых дневников россиян, посещавших Черногорию в начале XX века⁴.

Пласт сведений о Черногории, содержащийся в записках и путевых дневниках, широк и разнообразен. Это сведения о внутреннем состоянии страны, её границах, населении, экономике (которая базировалась

² Ровинский П. А. Черногория в её прошлом и настоящем. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. – СПб., 1888–1909. Т. I–II; он же. Черногория в её прошлом и настоящем. Государственная жизнь. – Пг., 1915. Т. III; Макушев В. В. Самозванец Степан Малый. По актам венецианского архива // Русский вестник. – 1869. – Т. 82–83. № 7–9.

³ См. например: Драгович Ж. Черногория и её отношения к России в царствование императора Павла I. 1797–1801 // Русская старина. – 1882. –Т. Т. XXXIII, XXXV; Драговић М. Материјал за историју Црне Горе времена митрополита Данила, Саве и Василија Петровића. – Споменик Српске Краљевске Академије. – Београд, 1895. – Књ. 25; он же. Споменици о Шћепану Малом. – Споменик Српске Краљевске Академије. – Београд, 1893. – Књ. 22; он же. Материјал за историју Црне Горе из времена владике Петра I. – Гласник Српског ученог друштва. – Београд. 1884. – Књ. 55 и др.

⁴ Журнальная записка происшествиям во время экспедиции его сиятельства князя Юрья Володимировича Долгорукова, от армии генерал-майора и лейб-гвардии Преображенского полку майора в Черную Гору, для учинения оттуда в Албании и Боснии неприятелю диверзии. 1769 год // Русский архив. – 1886. – Кн. I; Надеждин Н. Черногорцы. Воспоминания путешественника // Альманах «Утренняя заря» – СПб., 1842; Ковалевский Е. Четыре месяца в Черногории. СПб., 1841; Башмаков А. Через Черногорию в страну диких гегов. – СПб., 1913; Россиев П. А. Гнездо орлов. – М., 1914 и др.

на земледелии и скотоводстве, при полном отсутствии промышленности, вплоть до 70-х гг. XIX века), законодательстве, во многом патриархальных обычаях и нравах, народном просвещении, её истории и культуре. Много страниц в путевых заметках и дневниках отводилось освободительной борьбе черногорцев.

Так, посетивший в 1842 году Черногорию член московского славянского кружка А. Н. Попов, являвшийся, помимо прочего, магистром права Московского университета, в путевых записках воспроизводит следующий диалог с черногорцем-четником, который обратился к русскому путешественнику с таким вопросом: «Ты никогда не резал туркам голов? – Никогда, отвечал я. – Так ты проживёшь век девойкой, сказал он, помолчав немного, а потом прибавил, заботясь об моей славе: вот скоро пойдёт чета к Скадру, пойдя с ними». Аналогичного содержания беседа со священником-черногорцем из приграничья состоялась у Ф. В. Чиждова, который в ответ на свои слова, что Россия сейчас в мире с Турцией, услышал следующее: «Э, брат, худо, что вы не бьете турков, хоть бы латинов били. Не всё же воевать, ответил я ему. Старик пристально посмотрел на меня, и казалось, не понял ответа...»⁵. Таков был круговорот жизни черногорцев в XVIII–XIX веках, где война была нормой, а мирная жизнь была почти неведома. Зачастую жизнь черногорцев, особенно в приграничье с Северной Албанией и Герцеговиной, складывалась по формуле: «то черногорцы режут, то черногорцев режут». В связи с этим небезынтересен, хотя и не совсем обычен, подход Ф. В. Чиждова к оценке демографической ситуации в Черногории. Русский учёный считал, что «если бы беспрестанные сшибки с турками не уменьшали народонаселение, тогда менее нежели в десять лет оно увеличилось бы до такой степени, что им негде было бы жить, не только не чем питаться»⁶.

В Советском Союзе вплоть до начала 1960-х годов не было публикаций документов по русско-черногорским отношениям. Начало этому было положено многотомной фундаментальной публикацией документов «Внешняя политика России XIX и начала XX века». К настоящему времени вышло 17 томов этой серии, охватывающих период с 1801 по

⁵ Попов А. Н. Отрывок из путевых записок о Черногории // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. – 1845. – Т. 54 – №215. – С. 250 – 251; Чиждов Ф. В. Отрывки из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 г. // Москвитянин. – 1845. – №7. – Ч. IV – Отд. I. – С. 36.

⁶ Там же. – С. 37.

январь 1832 года⁷. В этой публикации комплексно освещаются основные направления балканской политики России, в том числе и относительно Черногории. Это в первую очередь касается деятельности в Черногории и Которе русского дипломата С. А. Санковского в 1805–1807 годах во время пребывания в Средиземноморье эскадры Д. Н. Сенявина, переселения в 1815 году черногорцев в Россию, противостояния черногорского митрополита Петра I Негоша неоднократным попыткам французов в 1808 году учредить французское консульство в Цетинье и его стремлению наладить русско-черногорские отношения путём открытия российского консульства в Которе в 1819 году, миссии в Россию в 1829 году М. Вучичевича и прочее.

Тогда же начинают публиковаться сборники документов, непосредственно не относящиеся к черногорской тематике, однако включающие в себя документы, касающиеся различных аспектов освободительной борьбы черногорского народа в различные временные периоды. Эти материалы присутствуют в трехтомной публикации «Освобождении Болгарии от турецкого ига»⁸, а также в совместных публикациях документов Института славяноведения и балканистами АН СССР, Сербской Академии наук и искусств, Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины. Это такая двухтомная публикация документов, как «Первое сербское восстание 1804 – 1813 гг. и Россия» и двухтомное издание «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины. 1850 – 1864», «Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875 – 1878 гг.», охватывающие период с 1850 – 1878 год⁹.

1984 год явился своеобразным прорывом на балканских фронтах исторической науки. В этом году был опубликован сборник документов «Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.»¹⁰. Данная публикация явилась первым комплексным изданием, где в документах прослеживается история становления

⁷ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. – М., 1960 – 1972. Серия первая. – Т. I – VIII. М., 1974–1995; серия вторая. Т. IX – XVI (I – VIII). М., 2005. –Т. XVII.

⁸ Освобождении Болгарии от турецкого ига. – М., 1961 – 1967. – Т. I – III.

⁹ Первое сербское восстание 1804 – 1813 гг. и Россия. – М., 1980 – 1983. – Кн. I – II; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины. 1850 – 1864. Документы. – М., 1985; Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875 – 1878 гг. Документы. – М., 2008.

¹⁰ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. – М., 1984.

и развития широкого круга политических, культурных и религиозных связей России с югославянскими народами – черногорцами, сербами, хорватами. Заметим, что наиболее значительный массив документов относится к истории русско-черногорских отношений, поскольку именно Черногории, вплоть до Первого сербского восстания 1804 – 1813 годов, отводилось главное место в балканской политике России.

Русско-черногорские отношения берут начало в 1711 году, когда царь Пётр I обратился с грамотой к балканским народам, в том числе и черногорцам, с призывом к православным вспомнить о былой славе балканских христиан и объединив свои силы с русским войском, прогнать турок «в старое их отечество, пески и степи аравийские». Документы свидетельствуют, что Черногория, эта маленькая горная страна, стала тогда центром антитурецкой борьбы на Балканах, благодаря своему географическому положению, в значительной мере из-за своего независимого положения и чрезвычайной воинственности населения. Документы содержат сведения об активном участии черногорцев и примкнувших к ним герцеговинцев в боевых действиях в Герцеговине и Северной Албании в 1711–1712 годах.

Важное место в сборнике отведено политическим и церковным связям России и Черногории. Надо сказать, что с 1697 по 1851 год в Черногории правили митрополиты из рода Петровичей-Негошей (Данила, Савва, Василий Петрович, Пётр I и Пётр II), которые постепенно сумели сосредоточить в своих руках не только духовную, но и в значительной мере и светскую власть. Особенно в этом деле преуспели два последних митрополита Пётр I и Пётр II Негоши. Заметим, что именно православная церковь на протяжении веков играла важную объединительную роль в черногорском обществе, служила символом освободительной борьбы. «За честный крест и за свободу золотую» – с этим кличем шли черногорцы в бой.

Значительный интерес для исследователей русско-черногорских отношений представляют материалы о поездках в Петербург черногорских митрополитов Саввы (1742 г.) и Василия Петровича в 50–60-х годах XVIII века. Как свидетельствуют документы, во время этих визитов черногорских владык перед российским двором поднимались вопросы не только церковного характера (просьбы о денежных субсидиях Цетинскому монастырю, церковной утвари и богослужебных книгах – всё это удовлетворялось), но и политического, что объяснялось желанием получить у России помощь и защиту от нападений со стороны турецких владений и притеснений со стороны Венеции. Дипломатическая поддержка и защита черногорских интересов осуществлялась по мере

возможности русскими резидентами в Константинополе, в частности А. А. Вешняковым, переписка которого с черногорскими властями публикуется в сборнике.

Особенно далеко в своих планах относительно России заходил Василий Петрович, который добивался не только установления протектората России над Черногорией, но и принятия черногорцев в российское подданство. Василий Петрович представлял Черногорию перед двором Елизаветы Петровны не как маленькую страну, а как большое государство, в которое он произвольно включал часть Приморья, Герцеговины и Северной Албании. Удовлетворяя различные просьбы черногорцев, в том числе и о переселении их в Россию, Елизавета Петровна сочла нецелесообразным принимать черногорцев в российское подданство, полагая, что это может обернуться бедой для черногорцев ввиду «близости окружающих их неприятелей» и отдалённости от России¹¹.

В развитии русско-черногорских связей выделяется период с 1767 по 1773 год, связанный с правлением в Черногории самозванца Степана Малого, выдавшего себя за императора Петра III, которого якобы спасла от восставших подданных сама императрица, отпустив его из России и «представляя народу вместо его, похожего как две капли воды на него другого, подлого и в то же время умершего человека»¹². Степан Малый, опираясь на авторитет России в глазах черногорцев, предпринял радикальные и жесточайшие меры, направленные на пресечение анархии и самоуправства, раздиравших черногорское общество, объявил войну кровной мести, многое сделал для централизации власти в Черногории. Приведенные в сборнике материалы российских архивов содержат дополнительные сведения о появлении самозванца в Черногории. Материалы сборника также содержат сведения о пребывании в Черногории российских эмиссаров (С. Пучкова, М. Тарасова, М. К. Ивелича и др.), помимо прочего, собравших самые разнообразные сведения о Черногории, в том числе и об освободительной борьбе черногорцев.

Надо сказать, что Черногория, ведя беспрестанные войны с Турцией, ещё в XVII веке заложила основу политической самостоятельности. Вероятно, первым из россиян это обстоятельство заметил П. А. Толстой, отмечавший в путевом дневнике, что вблизи Котора и Пераста «живут

¹¹ Там же. – С. 225.

¹² Донесение Г. Мерка, 6/17 сентября 1768 г., Вена // Российский государственный архив древних актов. – Ф. 149. – Оп. 1. – Ед. хр. 78. – Л. 69.

вольные люди, которые называются черногорцы. Те люди веры христианской, языка славянского, и есть их немалое число; никому не служат, временами войну точат с турками, а временем воюются с венетами»¹³. В XVIII веке Черногория вела борьбу против локальных османских сил, а в 80 – 90-е годы – против опаснейшего врага – шкодринского паши Махмуда Бушати, правителя Северной Албании, рассчитывавшего присоединить Черногорию к своим владениям. В результате двух побед при Мартиничах и Крусах (1796 г.) черногорцы, объединившиеся с племенами Брды, добились упрочения своей политической самостоятельности. Если в первом сражении шкодринский паша был лишь ранен и, как писал участник боя архимандрит С. Вукотич, «в большом сумнительстве жизни тогда от ран находился»¹⁴, то во время второй битвы Махмуд Бушати с жизнью распрощался. Его голова была доставлена в Цетинье и выставлена на всеобщее обозрение.

Следует сказать, что Черногория в XVI–XVII веках находилась под верховной властью Османской империи, но пользовалась широкой автономией и сумела сохранить себя как политическое целое, хотя и на очень урезанной территории. В Черногории, считавшейся султанским хасом, не было владений турецких феодалов. Не удалось Порте утвердить в ней османскую административную и судебную системы. В XVII веке черногорцы принимали активное участие в антитурецких войнах на стороне Венеции и Священной лиги (1683–1699 гг.). Единственный признак вассальной зависимости Черногории от Османской империи в XVIII веке это чрезвычайно редкая уплата харача, собираемого исключительно при помощи карательных экспедиций (зачастую неудачных), который скорее следует рассматривать как вынужденный откуп, нежели дань. Кстати, когда в 1785 году войска Бушати напали на Черногорию и захватили Цетинье, делалось это без ведома султана, а выплаченная ему черногорцами дань, в том числе за прошедшие годы, не пошла в Стамбул и осела в его казне.

Полагаем, что Черногория в XVIII веке обладала фактической независимостью и до 1796 года, что, кстати, отмечалось как в русских, так и в венецианских дипломатических документах. Венецианские власти Далмации, хорошо осведомленные о происходящем в Черногории, еще в XVII веке отмечали слабую зависимость черногорцев от Порты. В 1640 году генеральный провидур Венецианской Албании Джованни Паоло

¹³ Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697 – 1699. – М., 1992. – С. 118.

¹⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Ед. хр. 4154. Л. 4 об.

Градениго в своем отчете указывал, что зависимость Черногории от Турции носит лишь номинальный характер¹⁵. Одновременно заметим: когда утверждается, что именно 1796 год является рубежом фактической независимости Черногории от Османской империи¹⁶, игнорируется тот факт, что в сражениях 1796 года были разбиты не турецкие, а североалбанские войска Махмуда Бушати, который действительно мог завоевать Черногорию, но сам практически не подчинялся Порте, был злейшим её врагом. Поэтому в Стамбуле были крайне обрадованы, что черногорцы избавили Порту от «самого беспокойного неприятеля, угрожавшего самим устоям Османской империи»¹⁷. В собственно черногорско-турецких отношениях победа над Махмудом Бушати ровным счетом ничего не меняла. Порта, несмотря на реальное положение вещей, по-прежнему считала Черногорию своим владением. Сам Пётр I Негош никоим образом не увязывал боевые действия против Махмуда Бушати с собственно черногорско-турецкими взаимоотношениями, не ставил их на одну доску. Наоборот, в письме к австрийскому императору Францу I от 3/15 сентября 1796 года он подчёркивал, что «везир албанский, как он, так и умерший отец его, от отоманской Порты отступили со всей Албаниею и противу своего законнаго государя во всем учинились бунтовщиками и пребывают в своем полномочии и воле»¹⁸. Поэтому когда после первой победы над мятежным пашой при Мартиничах Пётр I Негош известил об этом российские власти, то в ответном, опубликованном в сборнике, письме вице-канцлер П. А. Зубов отмечал, что русский двор с удовольствием и радостью узнал о «знаменитой победе», одержанной черногорцами¹⁹. Он бы, безусловно, не стал этого делать, если бы дело касалось не мятежника и бунтовщика, к тому же поддерживаемого «безбожными французами», а непосредственно Турции, с которой Россия не стремилась тогда вступить в какой-либо конфликт.

Как свидетельствуют документы, в XVIII веке русско-черногорские отношения в целом развивались по восходящей линии, хотя несколь-

¹⁵ Макушев В. В. Самозванец Степан Малый... Т. 82. №7. С. 39.

¹⁶ См. например: Битка за Црну Гору. Мартинићи – Круси. 1796 1996. Подгорица, 1997. – С. 5, 84; История Югославии. М., 1963. – Т. I. С. 223.

¹⁷ См. об этом реляцию В. Кочубея Екатерине II от 15/26 окт. 1796 г. // Архив внешней политики Российской империи. – Ф. Сношения России с Турцией. 1796 г. – Оп. 89/8. – Д. 833. – Л. 15–15 об.

¹⁸ Бој Црногораца и Брђана с Махмут Пашом 1796. Зборник радова о Биткама на Мартинићима и Крусима. – Цетиње, 1996. – С. 82.

¹⁹ Политические и культурные отношения... – С. 374–375.

ко и охладели при Степане Малом. Россия оказывала дипломатическую и материальную поддержку Черногории, а в свою очередь черногорцы всегда откликались на призыв России вступить в войну против Османской империи в период русско-турецких войн. Особенно русско-черногорские отношения улучшились при Павле I, когда была установлена ежегодная субсидия Черногории на государственные нужды в размере 1 тысячи червонных (1799 г.), без которой, по признанию Петра I Негоша, созданное в 1798 году черногорское правительство не могло бы существовать.

В российских архивах хранится ещё довольно большое количество не опубликованных документов о прошлом Черногории и черногорцев. В связи с этим в 1980 году по инициативе тогдашнего директора Исторического института Черногории Йована Бойовича и заведующего кафедрой истории южных и западных славян Московского государственного университета Виктора Георгиевича Карасёва было принято решение о подготовке и реализации научного проекта «Черногорско-русские отношения. 1711–1918». Однако распад Югославии и Советского Союза, возникшие затем различного рода проблемы, позволили в 1992 году издать лишь первый том совместного издания Исторического института Черногории и Института славяноведения и балканистики под заглавием «Русские архивные документы о Черногории. Конец XVII – середина XIX в.»²⁰.

Том включает различного рода записки, отчёты и донесения, главным образом, извлеченные из Архива внешней политики Российской империи. Ряд записок и донесений принадлежит перу российских дипломатов, военных и чиновников, посещавших эту страну. Например, таких, как поручик М. Тарасов, дипломат С. А. Санковский, подполковник Я. Н. Озерецковский, капитан корпуса горных инженеров Е. П. Ковалевский, а также российских консулов в Дубровнике – Й. Гагича, Н. Н. Стремоухова и К. П. Петковича, в введении которых находились черногорские дела. Среди авторов есть и югославы, в силу различных обстоятельств оказавшиеся на российской службе. Это И. С. Болевич, С. И. Мазарович, М. К. Ивелич, Ф. Марошевич, М. Медакович, которые писали свои записки либо по заданию российского МИДа, либо по собственной инициативе. Некоторые из этих материалов носят оттенок предвзя-

²⁰ Црногорско-руски односи. 1711–1918. Књ. 1. Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека / Одг. уредници Бојовић Ј. Р., Достјан И. С. Подгорица-Москва, 1992.

тости, поскольку их составители являлись участниками острой внутриполитической борьбы в Черногории (М. К. Ивелич, Ф. Марошевич, М. Медакович). Документы сгруппированы по периодам: середина XVIII века, начало XIX, 30–40-е и 50-е годы.

Все публикуемые документы представляют интерес для исследователей Черногории и русско-черногорских связей. Остановимся только на двух именах из 50-ти, которые включены в этот сборник.

Наиболее ценным и обстоятельным источником о Черногории начала XIX века являются опубликованные на французском языке «Заметки о Черногории» (1808 г.) Семена (Шимуна) Ивановича Мазаровича. Уроженец Пераста, врач по образованию, он несколько лет прослужил лекарем в Черногории, а в 1808 году на корабле эскадры Д. Н. Сенявина отбыл в Россию, где в дальнейшем служил на дипломатическом поприще. За время врачевания он тесно общался с черногорцами и их владыкой Петром I Негошем и в своей Записке поведал о быте, нравах и обычаях черногорцев, их героическом эпосе. По сути дела, это краткая энциклопедия трудной, полной опасности и лишений жизни черногорского общества начала XIX века. Многие из его воспоминаний позднее позаимствовал участник сенявинской экспедиции В. Б. Броневский для своей книги «Записки морского офицера» и, в частности такой эпизод из совместной русско-черногорской боевой операции против турок в Герцеговине в 1807 году. Известно, что черногорцы предпочитали смерть плену. В связи с этим приводится следующий эпизод. Во время отступления из-под Клобука уже находившийся в летах русский офицер упал на землю от усталости, казалось, он не в силах идти дальше, и ему грозил плен. К офицеру тотчас подоспел черногорец и произнёс следующий монолог: «Ты очень храбр и желать должен, чтобы я отрезал тебе голову. Сотвори молитву, перекрестись...». Такой радикальный способ решения возникшей проблемы ужаснул офицера, но одновременно вызвал у него дополнительный прилив сил, и офицер с помощью того же черногорца догнал основной отряд²¹.

1830-е годы стали значительным рубежом в развитии русско-черногорских отношений. Правительство Николая I стало придавать большее значение Черногории как своей возможной базе на юго-западе Балканского полуострова. И в этом есть определённая доля заслуг рос-

²¹ Там же. – С. 155–156; Броневский В. Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., – 1818. – Ч. I. – С. 268.

сийского эmissара в Черногории Якова Николаевича Озерецковского, посетившего страну в 1837 году. Я. Н. Озерецковский приводит в своих донесениях обширные сведения о внутреннем состоянии Черногории, сложнейшем внешнеполитическом положении страны, где 2/5 населения погибло на поле битвы, 1/5 от ран, и только 2/5 умирало естественной смертью.

Я. Н. Озерецковский убеждал официальный Петербург, что благодаря своей активной борьбе Черногория оказывает большое влияние на соседнюю Герцеговину, христианское население Албании, заверял в преданности Черногории России. При этом он – не без поддержки митрополита Петра II Негоша – выдвинул идею о переселении части черногорцев на Кавказ для борьбы с горцами. Забегая вперёд, заметим, что в 1841 году идея о переселении 500 и более черногорских семей в Абхазию для борьбы с горцами Шамиля обсуждалась в высших правительственных кругах. Николай I в принципе поддержал эту идею, однако вице-канцлер К. В. Нессельроде убедил российское руководство отказаться от неё, мотивируя это различного рода дипломатическими осложнениями с Турцией²². Благодаря миссии Я. Н. Озерецковского русско-черногорские отношения получили дополнительный импульс, теперь уже никогда в дальнейшем Петербург не будет надолго забывать и игнорировать интересы и нужды Черногории.

В 1997 году в Москве вышел сборник документов «Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века»²³, который тематически связан с публикацией документов «Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.», о которой говорилось выше, и хронологически является его продолжением. Как показывают документы сборника, русско-черногорские отношения в первой трети XIX века зависели от международной обстановки в Европе, а она была крайне изменчива. В русско-черногорских отношениях рассматриваемого периода можно выделить *четыре этапа*:

Первый этап связан с резким осложнением русско-черногорских отношений в 1803–1804 годах в связи с попыткой черногорского митрополита Петра I Негоша переориентироваться на Францию, предложив

²² Доклад К. В. Нессельроде Николаю I, 27 сентября / 9 октября 1841 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. ГА. I-I. 1841 г. – Д. 17. – Л. 76–79 об.

²³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. М., – 1997.

ей вооружённую помощь в расчёте на то, что Франция вступит в войну против Османской империи (1802 г.). Владыка был вызван на суд Синода, российский эмиссар генерал-лейтенант М. К. Ивелич (главной задачей которого была организация обороны адриатического побережья на случай высадки французского десанта) безуспешно попытался отстранить митрополита от власти. Этот конфликт был окончательно улажен лишь с помощью другого русского дипломата С. А. Санковского. В сборнике приводится письмо Петра I Негоша Александру I от 16 августа 1804 года с сообщением о скупщине в Цетинье, которая приняла клятву верности России. Письмо содержит благодарность за учреждение российского консульства в Которе, функционировавшего в 1804 – 1806 годах и, помимо прочего, защищавшего интересы черногорцев перед австрийскими и турецкими властями.

Второй этап связан с русско-черногорским боевым содружеством в 1806 – 1807 годах. Документы сборника освещают совместные боевые действия черногорцев и населения Приморья с русскими экспедиционными силами эскадры адмирала Д. Н. Сенявина против наполеоновской экспансии в Далмации. Ряд материалов касается жизненно важного для Черногории вопроса борьбы за Боку Которскую и утраченный еще в начале XVIII века выход к морю. Здесь представляют интерес письма жителей ряда общин Боки Которской к русским официальным лицам с выражением благодарности за помощь России и желанием стать русскими подданными. Представление о вкладе югославян в совместную борьбу с Наполеоном дают публикуемые в сборнике аттестаты, выданные Д. Н. Сенявиным и С. А. Санковским тем черногорцам и приморцам, которые оказывали помощь русским войскам. Эти документы помогают также проследить судьбы югославян, переселившихся в Россию и обретших в ней вторую родину.

Третий этап охватывает период с Тильзитского мира (1807 г.) по середину 1820-х годов, когда русско-черногорские отношения отличались слабой интенсивностью.

Однако они не прервались и в этот период. Победа в Отечественной войне 1812 года оживила надежды черногорского руководства на объединение Черногории с Боккой Которской, приморской территорией, включающей в себя большой морской залив и систему крепостных укреплений. И такое государственное образование республиканского типа было создано в 1813 году решением скупщины черногорцев и бокельцев в Доброте. В сборнике приведены материалы, показывавшие активную деятельность Негоша, добившегося от Александра I признания объеди-

нения Черногории с Бокой Которской. Однако по ранее достигнутым договоренностям Бока Которская отошла к Австрии, о чем Александр I известил Негоша письмом из Парижа от 26 мая 1814 года, которое приводится в сборнике.

В российской и черногорской историографии как ранее, так и сейчас существуют различные оценки отказа Александра I признать объединение Черногории с Бокой Которской в единое государство. П. А. Ровинский видел в этом непоследовательность и бесхарактерность русского правительства²⁴. Й. Р. Бойович считал этот акт «огромной исторической несправедливостью»²⁵. В этом с ним можно согласиться. В. Джорджевич полагал, что победителю Наполеона Александру I хватило бы «одного слова», чтобы объединить Боку Которскую с Черногорией и создать независимое государство²⁶. Аналогичных взглядов придерживался и Д. Вуксан, считавший, что «одного росчерка пера» Александра I было бы достаточно для объединения Боки и Черногории и тем самым выхода последней к морю²⁷. Подобные варианты не следует абсолютно игнорировать, как гипотетические они имеют право на существование. Однако, на наш взгляд, эти суждения не учитывают реального положения дел на европейской арене и расклад сил в тот период. В Петербурге не могли не осознавать возможных отрицательных последствий реализации этого плана. В первую очередь, несомненно, ухудшились бы русско-австрийские отношения. Австрия вынужденно терпела русское влияние в изолированной от моря Черногории, согласилась под давлением обстоятельств на присутствие русских войск и флота на Адриатике в 1806–1807 годах. Однако в новых условиях посленаполеоновской Европы подобная ситуация становилась для венского двора неприемлемой. У Австрии было достаточно сил воспротивиться русскому проникновению в этот регион, так как после победы над Наполеоном Австрия не только сохранила, но и усилила свои позиции в Центральной и Южной Европе, к тому же за её спиной стояла Англия. Британия, чей флот господствовал в Средиземном море, также не собиралась уступать или делиться своим преобладанием в Средиземноморье. Наоборот, Венский

²⁴ Ровинский П. А. Отношения между Россией и Черногорией при владыках // Журнал министерства народного просвещения. – 1885. – Ч. ССXXXIX. – С. 25.

²⁵ Бойович Й. Р. Россия и Черногория в конце XVIII – начале XIX вв. // Россия и славяне: политика и дипломатия. Балканские исследования. – М., 1992. – Вып. 15. – С. 48.

²⁶ Ђорђевић В. Црна Гора и Аустрија. 1814–1894. Београд., 1924. – С. 4.

²⁷ Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његова доба. – Цетиње, 1951. – С. 246.

конгресс отдал под протекторат Британии Ионические острова, бывшие опорной базой русского флота, и правительство России под давлением обстоятельств пошло на это.

Объединение Черногории с Бокой Которской создало бы обострённую ситуацию и в русско-турецких отношениях. Турецкое правительство никогда не признавало независимости Черногории и лишь вынужденно терпело фактическое покровительство России над ней. Расширение границ Черногории к морю делало этого естественного врага Порты соседом в турецких приморских владениях. Порты, даже в силу необходимости сохранения международного престижа, могла предъявить свои претензии на новое государственное образование. Как следствие всего этого здесь мог возникнуть сложный клубок русско-австрийско-турецких противоречий, разрешить которые в тех условиях не представлялось возможным русскому правительству.

Однако и в эти непростые годы в истории русско-черногорских отношений продолжалась переселенческая политика в отношении Черногории (в 1815 году 16 черногорских семей переселилось в Россию), субсидирование цетинского монастыря по линии Синода, а в 1817 году царем была учреждена пожизненная пенсия митрополиту Петру I Негошу.

С 1825 года начинается новый, *четвёртый этап* в развитии русско-черногорских отношений. Александр I восстанавливает выплату прерванной после Тильзитского мира государственной субсидии Черногории (1 тыс. червонных), а правительство Николая I, в условиях начавшейся активизации политики России на Балканах, уделяет большее внимание положению дел в Черногории и новому черногорскому митрополиту Петру II Негошу, установив в 1837 году новую ежегодную субсидию Черногорию в 80 тысяч рублей, сохранив при этом и старую в 1 тысячу червонных. Эти деньги шли на удовлетворение народных нужд, в том числе и на борьбу с голодом, который был частым гостем в Черногории, а также на поддержание функционирования созданного в 1831 году высшего административно-судебного органа Черногории – Сената.

В 2003 году в Подгорице вышла в свет двухтомная публикация документов под заглавием «Н. М. Потапов русский военный агент в Черногории»²⁸.

²⁸ Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Подгорица – Москва, – 2003. – Т. I. Донесения, рапорты, телеграммы, письма. 1902–1915.; Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Подгорица – Москва, – 2003. Т. II. Дневник. 1906 –

Это объёмное фундаментальное издание документов, вышедших из под пера Николая Михайловича Потапова, – совместный труд коллектива сотрудников Исторического института Черногории и Института российской истории РАН. С черногорской стороны самое деятельное участие в подготовке этого издания принимали Радослав и Сенка Распоповичи, а с российской – Нина Ивановна Хитрова, Людмила Павловна Колодникова и Лариса Исиевна Цвижба, сотрудница Российского государственного военно-исторического архива, где и отложилась основная часть материалов Н. М. Потапова, известного ещё и тем, что в дальнейшем он был первым начальником Генерального штаба Красной армии.

В первый, опубликованный на русском языке, том документов, охватывающий период с 1902 по 1915 год, включены рапорты, письма, записки и отчеты о деятельности Н. М. Потапова в Черногории. Она, в основном, замыкалась на оказании содействия в модернизации сформированного на территориально-родовой основе (по братствам, племенам и нахиям – округам), народного войска Черногории и контроле за расходованием военной субсидии со стороны России (82 тыс. руб. в год). Как свидетельствуют документы, военный агент Н. М. Потапов многое сделал для модернизации черногорских вооружённых сил. Благодаря его инициативе за период с 1903 по 1907 год было открыто 3 военно-учебных заведения: Цетинское пехотное училище, артиллерийские курсы в Никшиче и унтер-офицерская школа в Подгорице. В 1911 году благодаря настойчивости Потапова в Черногории был открыт Кадетский корпус, директором которого стал полковник русского Генерального штаба В. Н. Егорьев.

Военный агент Н. М. Потапов принимал деятельное участие в составлении военного законодательства Черногории, разработал программу подготовки пехоты, сам присутствовал на учебных занятиях. В 1910 году на юбилейных торжествах в честь провозглашения Черногории королевством Потапов заявил «о колоссальном шаге вперед, сделанном черногорской армией». И в этом большая доля личных заслуг русского военного агента Н. М. Потапова.

Помимо военных вопросов, в рапортах Потапова отражено экономическое состояние Черногории, проблемы внутривосточной борь-

бы, действия оппозиционных правительству сил после введения в 1905 году Конституции.

В поле зрения Потапова – и вопросы массовой миграции черногорцев в США, и отношение населения к русско-японской войне 1904–1905 годов, и сближение князя Николая с Австро-Венгрией и Италией как следствие неудач в войне с Японией, а также политическое соперничество двух правящих династий – черногорской Петровичей и сербской Карагеоргиевичей. Все это нашло отражение в документах Н. М. Потапова.

Широкий пласт документов первого тома посвящён участию Черногории в первой Балканской войне 1912–1913 годов против Турции, а также её участию в Первой мировой войне. Они содержат описание и анализ боевых действий, и здесь важно то, что составлены эти документы высококлассным специалистом военного дела, полковником, а затем генерал-майором Генерального Штаба Русской армии.

Всё вышеизложенное относится и ко второму, опубликованному на сербском языке, тому документов Н. П. Потапова, который содержит его дневниковые записи за период 1906–1907, 1912 и 1914–1915 годов.

Здесь также доминируют сюжеты, связанные с черногорской армией и военной реформой. Вместе с тем, как и в официальных рапортах, его дневник содержит не только сугубо военные аспекты, но и сюжеты, связанные с поведением политического руководства Черногории, особенно в годы Первой мировой войны, когда с одной стороны в правящих кругах царил страх, что союзническая коалиция, в которую входила и Черногория, потерпит поражение, а с другой, что в случае побед держав Антанты может встать вопрос об объединении Черногории с Сербией, чего не хотели ни король Николай, ни его окружение.

В целом, хотя содержание дневников Н. М. Потапова в значительной мере повторяет его официальные рапорты, они интересны уже тем, что оценочные суждения дневниковых записок более критичны и откровенны, порой даже резки, поскольку личный дневник не предназначался для посторонних глаз, в отличие от официальных отчетов и рапортов.

В заключении заметим, что историки России и Черногории, как в прошлом, так и в настоящем, проделали большую и полезную работу по выявлению и опубликованию документов по истории Черногории и русско-черногорских взаимоотношений на различных временных этапах.

Yuri ANSHAKOV

RUSSO-MONTENEGRIN RELATIONS OF XVIII – EARLY XX CENTURIES IN
PRE-REVOLUTIONARY, SOVIET, CONTEMPORARY RUSSIAN AND RUSSO-
MONTENEGRIN PUBLICATIONS OF DOCUMENTS

Summary

The author analyses the contribution of the Russian and Montenegrin historians to the publication of a wide range of documentary sources covering various aspects of history of Montenegro and Russo-Montenegrin relations in the XVIII – early XX centuries.

